ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 4 1985

ДАШКЕВИЧ Я. Р.

CODEX CUMANICUS — ВОПРОСЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

В тюркологии имеется немного источников, которые, по использованному и неиспользованному потенциалу, могли бы сравниться с CC[1] — небольшой рукописью (164 с. в пол-листа), созданной в XIV в. где-то поблизости от Дешт-и Кыпчак — и спокойно, более шести столетий, хранящейся в Библиотеке св. Марка в Венеции под шифром Cod. Marc. Lat. DXLIX. Кодексу посвящена значительная литература (более 200 названий, перечни [1, с. 138—140; 2, с. 2—8])[2]. Он никогда, начиная с 1828 г. (когда его частично опубликовал Ю. Клапрот), не принадлежал к забытым источникам: наоборот, поток исследований постоянно увеличивался. CC неохотно раскрывал свои тайны тюркологам и иранистам (кроме тюркской части словаря и связных текстов, в нем имеется также иранская часть словаря). Некоторые существенные обстоятельства его возникновения являются дискуссионными. Усилившийся на протяжении последних десятилетий интерес к CC, отразившийся в выдвижении свежих аспектов, говорит о необходимости подведения хотя бы промежуточных итогов, чтобы изжить некоторые укоренившиеся взгляды, которые при ближайшем рассмотрении оказываются недостаточно обоснованными и нуждаются в корректировке на основе более новых, более глубоких исследований.

В соответствии с современным уровнем изучения, а также с привлечением собственных наблюдений попытаемся осветить группу вопросов, связанных с возникновением CC,— его создание, текстологию, датировку и локализацию, назначение, авторство. Не все из них разрешены окончательно. Постараемся обратить внимание на перспективные гипотезы, а также пробелы в исследованиях. Кажущиеся мелочи и второстепенные детали помогают воссоздать целостную картину.

Название кодекса. Заглавие CC соответствует духу эпохи: In hoc libro co[n]ti[ne]ntur P[e]rsicum et Coma[n]icum p[er] alfabetum «Эта книга содержит персидский и команский [языки] по алфавиту». Это одна из первых фраз, открывающая CCI. Памятник состоит из двух частей, но CCII заглавия не имеет. Более канцелярское, чем книжное название не вошло в научный обиход. Исходя из заглавия и содержания, рукописи давали разные каталожные названия: Alphabetum Persicum, Comanicum et Latinum anonymi (1650 г.) или же Lexicon Latinum, Persicum et Comanicum (1741 г.). Клапрот пытался закрепить заглавие 1650 г., но оно не удержалось. Привилось лаконичное название Codex Cumanicus, придуманное вторым публикатором графом Г. Кууном [3]. Название игнорировало ИК, оставляло вне поля зрения имеющееся в рукописи автохтонное название языка tatar til «татарский язык». При этом издатель памятника, считавший себя потомком половцев-куманов (что отразилось в фамилии Куун, по-венгерски «половец»), преследовал также свою субъективную цель — желание прославить предков, отразив исключительно их имя в названии кодекса. Наз-

[1] Приняты сокращения: CC — Codex Cumanicus, CCI — первая («итальянская») часть CC, CCII — вторая («немецкая») часть, ТК — тюркская колонка CCI, ИК — иранская колонка CCI. Не предрешая заранее вопрос этнолингвистической атрибуции ТК и ИК (нуждающейся в детальном анализе — что будет сделано нами позже), мы употребляем термины «тюркский язык» и «иранский язык» в смысле их принадлежности к языковым семьям.

[2] Обзор русской и советской литературы о CC, а также анализ воззрений отечественных тюркологов на этот памятник произведен А. Н. Кононовым. Мы обращаем большее внимание на зарубежную литературу вопроса, с которой советские исследователи менее знакомы.

вание сыграло свою роль в закреплении цепи поверхностных ассоциаций: если Codex — Cumanicus, значит его язык — lingua Cumanica, а носители языка, конечно, Cumani = куманы (команы) = половцы = кыпчаки.

Внешняя критика СС. Кодикологическое изучение — в строгом понимании кодикологии как вспомогательной дисциплины — не проводилось. Отдельные данные помогают, однако, воссоздать первоначальный облик СС, а в совокупности с наблюдениями из области палеографии и истории бумаги реконструировать историю создания рукописи и перехода ее от одних лиц к другим. На сегодня СС состоит из трех тетрадей [1, с. 24, 27]— первая из 29 л. (это с. 1—58; когда-то было 32 л.), вторая из 30 л. (сохранилась полностью, с. 59—118) и третья из 23 л. (с. 119—164; считается, что сохранилась полностью, но нечетное количество листов, возможно, свидетельствует о пропаже одного из них). Высказывается предположение, что между второй и третьей тетрадями находилась еще одна [2, с. 46]. Кодикологическое деление СС не соответствует текстологическому, согласно которому различают ССI («итальянская» часть, с. 1—110) и ССII («немецкая», с. 111—164).

Палеографическое изучение не доведено до конца. Внимание привлекала в первую очередь (что вполне обосновано [4, с. 49—50]) система специальных букв и диакритики, изобретенных для передачи тюркских и иранских звуков. Меньше внимания уделяли исследованию письма в точном понимании слова. СС можно разбить на три части: латинскую с записями итальянским письмом; латинскую с записями, дукт которых (с точки зрения происхождения) не исследован; немецкую с немецкой разновидностью письма. Единственная имеющаяся в словаре дата была прочитана правильно только недавно (1330 г. вместо бытовавшего столетиями 1303 г.): раньше не учитывались особенности написания римских чисел лигурийским дуктом [5, с. 396—398]. Делались попытки установить число лиц, принимавших участие в создании рукописи. Куун определил, что ССI написан одним итальянским почерком, 4 руки вносило поправки, из них 3 — немецким письмом; в ССII он увидел 14 почерков. Д. Дрюлль считает, что в ССII вносило записи 16 лиц [1, с. 92—93], в чем сомневается Л. Лигети [2, с. 50]. Почерки нуждаются сейчас не столько в палеографической, сколько в графологической экспертизе. Число лиц, вносивших записи в ССII, преувеличено: сомнительно, чтобы на протяжении примерно 30 лет, когда рукопись находилась у миссионеров, в ней 16 человек могли сделать записи. Определение этих второстепенных деталей важно для лингвистического декодирования текста: сколько рук, столько индивидуальных систем понимания и транскрибирования речи.

Изучение бумаги далеко от завершения. Все тетради итальянской бумаги, но филиграни, идентичные водяным знакам СС, в другом документальном материале не найдены. А ведь только находка тождественной филиграни на бумаге, обладающей «черной» датой (датой, проставленной канцеляристом или другим лицом), может пролить свет на то, соответствует ли единственная имеющаяся в рукописи «черная» дата — 11 июля 1330 г.— времени написания словаря, а также на то, когда была заполнена третья тетрадь. Поиски тождественных знаков в альбомах и коллекциях филиграней пока успехом не увенчались. На основании сходных, но не тождественных филиграней Д. Дьёрффи датировал изготовление первых двух тетрадей 1315—1346 гг., а третьей — 1340—1350 гг. [6, с. 118]; Дрюлль все тетради относит к середине XIV в. [1, с. 29—31].

Совокупность данных внешней критики дает возможность делать вывод о том, что СС прошел через три руки — итальянского переписчика словаря, миссионеров — «латинофонов» и миссионеров — «германофонов». Примерно в конце 50-х годов XIV в. рукопись оказалась у генуэзца А. де Финале (фамилия указана в рукописи) и вскоре после этого очутилась в Венеции.

Текстология. Историю создания текста обеих частей СС следует рассматривать по отдельности. Они сохранились в единственном экземпляре; до сих пор не найдены следы похожих текстов XIV в.— исследование по линии сравнительной текстологии отпадает.

CCI, состоящий из склонений и спряжений слов и двух латино-иранотюркских словарей, одного, составленного по алфавиту, и второго — систематически, явственно отражающего этнические черты автора, возник не сразу. Ему, несомненно, предшествовал период сбора и черновой обработки материала. Имеются косвенные свидетельства того, что завершенный протограф (= оригинал) был составлен не ранее 1324 или 1325 гг. (см. ниже). Протограф подвергался доработке: в процессе практического использования, когда он находился еще у итальянцев, пополнялись как алфавитный, так и систематический перечни. В этом убеждает хотя бы то, что в латинскую колонку (первую) внесено около 250 слов-дезидератов, к которым не успели подобрать иранские (вторая колонка) или же тюркские (третья) эквиваленты. В незавершенном виде протограф или отредактированный его список,— а спрос на словарь среди европейцев, заброшенных в «варварскую» страну, был большой — копировался в таком виде, в каком дошел до нас в составе CC. Можем предположить следующую стемму текстологической истории CCI: 1) черновые записи = = источники → 2) протограф = оригинал → 3) отредактированная копия (копии) → 4) дополненная копия (копии) = CCI → 5) дополнения, вносимые в CCI. Исходя из подобной стеммы, в дальнейшем можно будет более определенно говорить о стратиграфии структурных единиц. CCI изготовлялся постепенно не очень аккуратным переписчиком, возможно, с плохой копии, с чем связаны описки и другие ошибки [7, с. 91; 8, с. 206—207]. Миссионеры вносили свои дополнения, не придерживаясь первоначальной транскрипции. Они также (что лингвистически очень важно) «исправляли» транскрипцию, т. е. по-видимому, меняли фонетическую запись диалекта, отраженного в протографе, применительно к диалекту окружающего населения.

Дискуссионным является вопрос о том, считать ли CCII оригиналом или копией [2, с. 7]. Можно отнести к заслугам Дрюлль, доказавшей, что CCII — это оригинал [1, с. 31—32], а не копия [9, с. 211], однако, если учитывать, что в CCII хаотически перемешаны тексты различного содержания — фольклорные записи, молитвы и гимны, глоссарии,— определить черновой, копийный или беловой характер всех этих текстов вряд ли возможно. Предположения в отношении отдельных из них [10, с. 459] общей картины не меняют. Если CCI формировался, обрабатывался и редактировался в канцелярском затишье, то CCII напоминает «полевые записи», частично, возможно, подвергнутые литературной шлифовке (высокий художественный уровень некоторых гимнов не подлежит сомнению [11, с. 243—251]), но, в основном, сделанные на скорую руку, по горячим следам непосредственных контактов с населением. Не исключена возможность, что миссионеры включали в CCII религиозные тексты, составленные ранее, в процессе христианизации, а загадки и другой фольклорный материал записывали из уст народа.

Текстологическое (отличное от кодикологического) деление CC на две части не подлежит сомнению. Вопрос состоит в том, сохранить ли за частями традиционные названия — CCI «итальянская» (с. 1—110) и CCII «немецкая» (с. 111—164) — или принять предложенные Лигети названия «книга переводчика» и «книга миссионеров» [2, с. 52—53] на том основании, что CCII нельзя полностью считать немецким (часть CCII — это латинские записи миссионеров неизвестного происхождения). Вместе с тем нельзя отделаться от впечатления, что CCI (а, может, и CCII) комплектовался в двух плоскостях: текстуальной, зафиксированной на письме, и устной, отражавшей произношение звуков, на письме зафиксированных особыми графемами и диакритикой. Устная инструкция, по-видимому, сопровождала передачу копий из рук в руки.

Датировка. Изучение датирования CC имеет длинную и противоречивую историю, на которой сейчас, когда благодаря открытию П. Зорзанелло (не опубликованному в свое время) и В. Дримбы предложена расшифровка «черной» даты [5, с. 396—398], не стоит останавливаться. В настоящее время можно учитывать две даты: «черную» 1330 г.— MCCCXXX die XI July (ошибка предыдущей расшифровки состояла в том, что лигурий-

ское написание цифр в виде m интерпретировалось как III, а в действительности это XXX [5, с. 396, 398, табл. III, IV]) и извлеченную из конкорданса названий месяцев латинской колонки и ИК 1324 или 1325 гг. [5, с. 400—401]. Но определением этих двух дат проблема не ограничивается — предстоит уточнить еще несколько датировок: протографа (= оригинала), изготовления копий CCI, выполнения записей CCII. Другой вопрос состоит в том, каким временем датировать заключенный в CC материал. Хронологическую проблему представляет также установление конкорданса между месяцами солнечного календаря и обозначениями, *имеющимися в* TK (*элементы животного цикла?* [2, с. 6—7]).

Полученные из корконданса годы 1324 или 1325 можно считать датой изготовления протографа. Следы истории CCI ранее 1324—1325 гг. не найдены.

«Черная» дата допускает двойную интерпретацию. Это или дата переписки одной из отредактированных копий, к которой восходит настоящий список CCI, или же дата дошедшего до нас CCI. Так или иначе, не думается, чтобы в первом случае (т. е. если 1330 г. считать датой не дошедшего до нас экземпляра рукописи) изготовление настоящего CCI отставало на много лет от 1330 г. Практика средневековых канцелярий (особенно при выдаче выписей из канцелярских кни) знает много случаев, когда при копировании оставляли дату, простав енную ранее в начале документа, а дату изготовления копии не отмечали. День «11 июля», конечно, нельзя считать днем создания CCI — эта дата показывает начало письменной фиксации текста оригинала или копии. Стемма CCI, дополненная хронологическими показателями, представляется нам в следующем виде: 1) черновые записи = источники ранее 1324—1325 гг. → 2) протограф = оригинал 1324—1325 гг. → 3) отредактированная копия 1330 г.→ 4) дополненная копия = CCI после 1330 г.→ 5) дополнения, вносимые в CCI 1330—1350 гг.

Нет оснований для более точной датировки CCII. Terminus post quem здесь все тот же 1330 г. В руках одной или двух групп миссионеров CC находился между 1330 г. и концом 50-х годов XIV в.

Все датировочные выводы не могут поколебать глубокого убеждения в том, что протограф, или коренным образом переработанная редакция CCI, были изготовлены не ранее 1324—1325 гг. Составленный тогда разговорник, предназначенный для связей с носителями тюркского и иранского языков, даже если он основывался на более ранних источниках, соответствовал языковой ситуации того времени. Если некоторые религиозные тексты CCII возникли в более ранний период, то они были живы и понятны в 30—50-х годах XIV в. Материал CC, как тюркский, так и иранский, отражает данный период, данную лингвистическую ситуацию. Поэтому теряют смысл попытки отнести материал CC к XIII в. [12, с. 87] или даже к домонгольскому периоду [13, с. 25]. При динамичности событий середины XIII — начала XIV в., *вызванных вторжением монголов*, миграциями огромных масс с Востока на Запад, уничтожением или насильственным угоном значительной части населения Восточной Европы, продажей его в рабство за пределы ареала — точная хронологизация материала CC имеет большое значение. Достаточно точно определяемый отрезок времени не нужно понимать так, что до 1324—1325 гг. не изготовлялись разговорники или же не составлялись религиозные тексты. Вероятно, они существовали ранее — с момента экспансии итальянцев в бассейн Черного моря (60-е годы XIII в.) и начала миссионерской деятельности (30-е годы),— однако не подлежит сомнению соответствие материала CC периоду 20—30-х годов XIV в. Состояние рукописи, вид страниц, испещренных глоссами и разнообразными записями, свидетельствуют о том, что CC постоянно находился в деле. Церковь была заинтересована в том, чтобы преподносить основы веры в форме наиболее понятной туземному населению — это исключало архаизацию или стилизацию языка.

Место изготовления. Город, в котором написан CC, в рукописи не указан. Предполагалось в качестве локализационного признака использовать то место в инвокации, где упоминается имя св. Иоанна-евангелиста. Ис-

ходя из того, что в CCI имеется ИК, анализировали географию итальянских поселений Причерноморья, наиболее интенсивно осуществлявших торговлю с Персией (для этих контактов будто бы и предназначалась ИК).

CCI открывается обширной инвокацией с упоминанием Иисуса Христа, Богоматери и всех святых. Она заканчивается формулой: Ad honorem Dei et b[ea]ti Ioh[ann]is euangeliste. Подобные инвокации соответствуют эпохе и характерны для духовных и светских рукописей. Согласно гипотезе В. Банга, упоминание евангелиста указывает на монастырь св. Иоанна в приволжском Сарае или его окрестностях [14, с. 244—245]. Монастырь такой действительно существовал — он упоминается в 1313—1340 гг. [15, т. 2, с. 456, 516, 557; 15 т. 3, с. 170]. Предположение Банга нашло поддержку у ряда исследователей [1, с. 15—19; 2, с. 8; 5, с. 403]. Монастырь в Сарае или вообще нижнюю Волгу [4, с. 46; 17, с. 13] считали и считают местом копирования или даже составления CCI. Однако упоминание евангелиста нельзя рассматривать как локализирующий признак. Во-первых, место и дата изготовления рукописи обычно указываются в колофоне, а не упоминаются в инвокации; во-вторых, копирование CCI духовным лицом сначала надо доказать: духовная инвокация в средневековье не дифференцировала авторов и копиистов с точки зрения их духовного или светского звания. Монастыри и церкви св. Иоанна существовали также в других местах, например, монастырь и госпиталь св. Иоанна в Кафе (1290 г. [18, с. 365]). Упоминание св. Иоанна не является календарным признаком (11 июля — это день св. Бенедикта), но евангелист мог являться патроном автора, редактора или же копииста CCI.

Другое возможное место создания CCI — Солхат (совр. Старый Крым) — было предложено Д. Расовским на том основании, что там находилась генуэзская фактория, где будто бы заканчивался караванный путь из Хорасана, на котором господствовал персидский язык [8, с. 210—213]. Главное доказательство Расовского — цитата из Ибн-Арабшаха (ум. 1450) [19, с. 272—275] — понята им неправильно: арабский историк говорит о караванах из Хорезма (не Хорасана!) на полуостров Крым (не в Солхат!) в дотимуровское время, т. е. тогда, когда в Хорезме уже господствовал тюркский язык.

Сугдея (Солдая, Сурож, совр. Судак) была предложена О. Прицаком [9, с. 212], так как там одно время пребывал венецианский консул, а восточнославянские глоссы в CCI указывают на гостей-сурожан, итальянских купцов, торговавших на Руси. Но понятие гостей-сурожан не обязательно указывает на Сурож — это были купцы с полуострова вообще (подобно тому как др.-русск. *Сурожское море* это не только море около Сурожа!). Да и на полуострове сохранилось довольно значительное восточнославянское население — возможный источник глосс.

Э. Шюц [20, с. 202] считает местом создания CCI Тану — там был венецианский квартал, но этого мало для гипотезы.

За Кафу, крупнейший центр генуэзской торговли на Черном море, выступила Дрюлль [1, с. 34—39, 92, 136]; ее поддержал Г.-В. Хауссиг [21, с. 8]. Дрюлль разработала вопрос о торговых связях Кафы с государством Ильханов, с использованием, будто бы, ИК. Ей, однако, не удалось доказать наличия интенсивных связей Кафы с Персией, тем более, что Золотая Орда, осуществлявшая общий суверенитет над Кафой, в 1261—1356 гг. находилась в состоянии войны с Ильханами и их наследниками, вследствие чего об активной торговле Кафы и других городов Северного Причерноморья с Персией не могло быть и речи.

И все же, учитывая, что Кафа являлась центром генуэзских поселений, мы считаем изготовление CCI здесь наиболее вероятным. Город располагал в первой половине XIV в. необходимой культурной инфраструктурой, в среде которой могла возникнуть уникальная для своего времени система научной транскрипции тюркского и иранского языков. В Кафе действовала разветвленная сеть администрации с обширной канцелярией, штатом переводчиков, что способствовало созданию такого необходимого пособия, каким являлся CCI. Теоретически допустимо, что CCI мог возникнуть и в Генуе, где были носители тюркского и иранского языков,—

в среде рабов и вольноотпущенников, привезенных из Причерноморья.

С другой стороны, возникновение ССII в среде миссионеров не подлежит сомнению. Но находилась ли миссия в Крыму (в пределах или вне итальянских поселений), в Поволжье или на Северном Кавказе определить нелегко. Диалектные особенности тюркского ССII, отличные от языка ССI, как будто говорят о том, что ССII возник в несколько иной языковой среде, хотя этому противоречит тот факт, что фонетической правке на основе второго или даже третьего диалекта [4, с.46—47] весь материал ССI не подвергался. Границы между диалектами существовали там, где сохранялись барьеры между племенами и обособленными родами кочевников. С переходом к оседлой жизни в городах и селах диалектные различия стирались. Здесь аналогия с лингвистической ситуацией в Крыму второй половины XIX — начала XX в., когда, после распада родоплеменной структуры, в языке одного носителя крымскотатарского языка спокойно уживались явления, характерные для северных и центральных диалектов, на которые накладывал свой отпечаток южный крымскотурецкий язык. Некоторые особенности ССII позволяют утверждать, что миссия находилась в Крыму. Об этом свидетельствуют иноязычные (восточнославянские, иберо-кавказские) вкрапления, проникшие в ССII и даже в язык миссионеров. Немцы использовали украинское слово *копиця* (*kopicze* «копна») для перевода тюркского слова *čerẽ* [22, с. 205—206]. Иберокавказские элементы изучал Лигети [2, с. 50]. Одновременное наличие восточнославянских и иберо-кавказских элементов характерно для крымских городов и селений, где наряду с другими народами — все города Крыма были полиэтническими — жили славяне, черкесы, зикхи (западные черкесы). Украинское население Кафы, например, потомки русов, просуществовало до середины XVII в. [23, с. 225].

Назначение. Цель создания ССI и ССII не вызывает дискуссий. Как каждый разговорник, ССI связывал носителей итальянского, с одной стороны, и тюркского и иранского языков, с другой. Подобную же функцию выполнял и ССII при общении носителей немецкого (или другого западноевропейского) языка, «зашифрованного» под латынь, с тюркофонами. Все это способствовало усвоению, обучению и распространению религиозных текстов на тюркском языке. Не вызывает сомнения и другое назначение СС: облегчая общение между этносами, он служил и своеобразным учебником иностранного языка. Тем не менее, назначение, особенно ССI, этим не исчерпывалось. В «домиссионерский» период он выполнял и другие функции. Относительно сущности этих функций ведется упорная дискуссия.

ССI — пособие для купцов, специализировавшихся в межконтинентальной торговле. В нем зафиксирована тюркская lingua franca (далее LF) — средство общения на караванном пути, начинавшемся в Тане на Азовском море и заканчивавшемся в Китае, у берегов Желтого моря. Персидская же LF — аналогичное средство общения на другом пути (обычно предполагалось Дон — Волга — Каспий). Эта версия имеет многих приверженцев [24, с. 339; 1, с. 132—135]. Как доказательство приводилось италянское происхождение ССI, связанное с успешной экспансией итальянцев на Восток. Не подлежит сомнению, что ССI возник в обстановке колониальных захватов Генуи, частично других итальянских городов, в Причерноморье. Для генуэзцев свободный путь открылся в 1260 г. Экспансия требовала расширения контактов с иноязычным купечеством. Lingua Comanica (по распространенному во второй половине XIII—XIV в. аморфному выражению) действительно играла роль LF на среднеазиатском пути. Здесь начинаются неясности: во-первых, торговую деятельность на пути к Каспию до середины XIV в. конкретизировать невозможно [25, с. 336; 26, с. 361]; во-вторых, начиная с 1261 г. путь через Каспий или через перевалы Кавказа просто не действовал, не существовал (шла война за Азербайджан). Даже если бы путь действовал, вряд ли здесь была нужна персидская LF. Вторая половина XIII—XIV в.— это период господства тюркского языка также в Иране. Недаром именно в эту эпоху даже в литературный персидский язык вошло значительное количество

тюркизмов и монголизмов [27]. Дрюлль высказала предположение, что торговля Кафы с Персией из-за золотоордынской блокады осуществлялась через Трапезунд [1, с. 44—47, 81—90; 21, с. 8], но это маловероятно. Названия товаров, отправляемых в Трапезунд, с названиями товаров, перечисленных в ИК, не совпадают: товары здесь и там разные. Неубедительным является и мнение о том, что в CCI зафиксирована купеческая LF в тюркском и иранском вариантах. Для проведения торговых операций вряд ли был нужен такой значительный (2500—3000) запас слов. Да и в систематической части CCI имеются разделы лексики, которые не использовались коммерсантами. Наконец, основной язык разговорника — латынь — не был языком торговли; в XIV в. это язык церкви, науки, юриспруденции, канцелярии, дипломатии; даже не все представители высших кругов владели латынью в достаточной мере. Известные пособия по международной торговле (анонимное 1315 г., Ф. Бальдуччи-Пеголотти середины XIV в. [28, с. 311—320; 29]) составлены на итальянском, настоящей LF Средиземноморского бассейна, в который входили Черное и Азовское моря.

Миссионеры, конечно, владели латынью, а CCI они пользовались как самоучителем тюркского (об изучении миссионерами восточных языков см. [30, с. 83—126; 31, с. 169—184; 32, с. 96]). Но думать, что CCI предназначался исключительно для миссионерских целей (как считают некоторые исследователи [32, с. 98]), нет оснований, ибо тематический разрез CCI только частично отвечал задачам, стоявшим перед миссионерами. С другой стороны, нельзя забывать, что религиозные вопросы представляли большой интерес для средневекового человека — не следует удивляться значительному пласту религиозной лексики CCI.

Высказывалось предположение, что CCI, в частности ИК, употреблялся для контактов с монголо-татарской верхушкой Золотой Орды, будто бы использовавшей изящный персидский для международных контактов [7, с. 92]. Дискуссия между Б. Шпулером и П. Пельо по поводу роли персидского в монголо-татарских улусах [33, с. 291; 16, с. 164—165] показала, что персидский язык не был распространен среди монголо-татарской верхушки (кроме государства Ильханов); спорадическое употребление персидского для дипломатических сношений не меняет общего вывода. С другой стороны, иранский язык CCI очень отличается от изящного классического новоперсидского — грубоватый разговорный язык ИК не похож на средство общения рафинированной (как представляется некоторым исследователям) монголо-татарской аристократии.

Сравнительно недавно была разработана гипотеза, согласно которой CCI — книга итальянского переводчика [2, с. 124, 136, 212]. Лигети, конкретизировав мысль Расовского и Дьёрффи о том, что CCI был изготовлен для нужд итальянских колоний, подкрепил свое мнение довольно солидной (хотя односторонней) источниковой базой. Лигети считает, что переводчик пользовался ТК для контактов на высоком уровне с монголо-татарской верхушкой (включая составление и переводы договоров между итальянцами, с одной стороны, и ханами или же их наместниками, с другой). За ИК Лигети сохранил роль купеческой LF. В этой гипотезе — в отношении ТК — имеется рациональное зерно, но исследователь закрепил за ТК только роль пособия высокого ранга. Детальное рассмотрение договоров не подтверждает гипотезы: из перечисленных Лигети многочисленных договоров только в отношении одного венецианского договора 1332—1333 гг. [34, с. 585] можно с уверенностью сказать, что он был составлен на «команском» языке. В отношении других договоров подобных сведений нет. Выражение lingua ugaresca, употреблявшееся в связи с договорами, обозначает не язык, а уйгурское письмо. До 1380 г. в международной практике Золотой Орды господствовал монгольский; в этом мы согласны с выводами А. Григорьева [35, с. 81—89], хотя они и сделаны на ограниченном материале. Да и содержание CCI не свидетельствует об его употреблении главным образом для международных отношений.

Обратим внимание на то, что лексика CCI охватывает все области повседневной жизни (детальный анализ см. [8, с. 197—206]). Конкретно

на назначение CCI указывают латинские (полные итальянских варваризмов) перечни уже упомянутых дезидератов. О них известно было давно [8, с. 207; 1, с. 32], однако они не подвергались анализу. Среди дезидератов встречаются, в частности, следующие, не переведенные на оба языка: град, полдень, чернильный орешек, кардамон, мускат, пряности; [мех] маленьких кошек, льва, горностая; писарь, книга, пособие, письмо, чернила, бумага; порошок, ветвь дерева, виноградник, шкура, цапфа, резец; топаз, яшма, аметист; содержательница притона; камнемет, копье, щит; игла, нитка, терраса, быстроходный [конь], матрац, кушанье, вино, вода, соль, платок, испепелять. Системы здесь нет, лексика отражает повседневную жизнь с уклоном к коммерции — что характерно для среды торговых колоний. Другое обстоятельство, на которое исследователи не обращали внимания, состоит в том, что иранский и тюркский языки занимают в CCI равноправное место. Невозможно доказать, будто иранская лексика употреблялась в одной сфере, а тюркская — в другой. Тематические границы полей, в пределах которых употреблялась и иранская, и тюркская речь, идентичны. Носители этих языков должны были находиться примерно на одинаковом положении, проживать в аналогичных условиях. Тождественность полей могла возникнуть только в том случае, если языковые контакты устанавливались на одном и том же социальном уровне, если характер контактов был практически идентичным. Так как это не были тюрко- и ираноязычные купцы или двуязычная аристократия (объем лексики достаточно обширен), напрашивается вывод, что CCI был составлен для повседневного общения с окружающим населением, находившимся под генуэзской (судя по варианту латыни) администрацией или заселявшим недалекий хинтерланд. Лигети прав, называя CCI «книгой переводчика», но это была книга не для дипломатических переговоров, а обычное пособие для переводчика с его обыденными занятиями на территории, находившейся под итальянским владычеством.

Лингвистическая ситуация в Крыму в 20-х годах XIV в. Прошло почти столетие со времени монголо-татарского смерча, мало затронувшего развитой юг Крыма с его городами и селениями, насчитывавшими много веков существования. Все они (Солхат, Солдая, Кафа, Воспоро, Кирк-Иер, Мангуп и др.) периодически становились объектами грабежа и разорений, но это не было тотальное уничтожение. Города Крыма с момента возникновения первых греческих полисов были полиэтническими и многоязычными. Со временем возникали новые этнические и этноконфессиональные общины, менялся господствующий язык в зависимости от политической ситуации. В 20-х годах международное положение было сложным, но стабильным. Города Южного Крыма номинально зависели от Византийской империи, что укрепляло позиции греческого языка. Остальная территория полуострова вошла в состав Золотой Орды — население этой части Крыма постепенно подвергалось тюркизации [36, с. 80; 37, с. 92—93; 38, с. 383—384]). Там господствовал упоминаемый в CC tatar til. К 20-м годам XIV в. колонии достигли экономического расцвета — возникала настоящая Итальянская империя на Черном море. Была создана сеть административных и судебных учреждений, введено делопроизводство западного образца (о нотариате см. [39, с. 33—34]), укрепились позиции католической церкви. Население городов, селений, хинтерланда было весьма пестрым. Г. де Рубрук еще в 1253 г. писал: «...между Керсоной [Херсонесом] и Солдаией существует сорок замков, почти каждый из них имел особый язык» [40, с. 90]. В городах, захваченных генуэзцами, звучала, кроме итальянской, греческая, восточнославянская (потомки русов), готская, армянская, иберо-кавказская (черкесы и зикхи), сирийская, еврейская (в области культа), валашская и др. речь. Значительный процент населения пользовался тюркскими и иранскими языками. Тюркофонами были татары, осколки ранее поселившихся тюркских народов (хазар, печенегов, половцев), а также караимы. Ираноязычными были аланы, персы, возможно, остатки сугдейцев и хорезмийцев (иранофонов). Управлять таким этническим и религиозным Вавилоном было нелегко. В условиях итальянской колонии с обширной сетью западноевропейской

администрации и богатым делопроизводством, регистрирующим торговые сделки, завещания и описи имущества, огромное значение имели государственные и другие, менее официальные, переводчики.

Нотариальные акты Кафы 1289—1290 гг. еще задолго до расцвета города в 20—30-х годах XIV в. много раз упоминают переводчика генуэзской общины (drogumanus = torcimanus comunis Janue in Caffa) Пьетро де Милано, владевшего, по-видимому, греческим, сирийским (арабским?) и татарским — по крайней мере, он присутствовал в нотариате, когда записывались акты с участием лиц этих народностей [18, № 47, 52, 53, 99, 124, 126 и др.]. Кроме него, в роли переводчиков упоминается еще 24 лица, владеющие греческим, сирийским, арабским, армянским, аланским и немецким языками [18, № 80, 154, 190, 232, 371, 386 и др.]. Если учесть, что переводчиками выступали просто доверенные лица, знавшие определенные языки, помимо итальянского, объем переводческой работы в административных учреждениях, у нотариев, в судах, на базарах и в других местах оказывается огромным. Подобный же результат дает изучение актов таких колоний конца XIII — середины XIV в., как Вичина, Килия, Белгород (Монкастро), Тана (обзор публикаций [41, с. 222—225], кроме этого [42]). Вот та среда, для которой составление и употребление пособий вроде CCI было необходимостью. Еще деталь: латинский язык генуэзских актов аналогичен языку CCI, что давно отметили историки [43, с. 231], но до сих пор не учли языковеды. А дата в начале CCI напоминает канцелярскую практику датирования актов, а не запись даты в колофоне рукописей.

Учитывая языковую ситуацию в колониях, с ее практикой переводческой деятельности, приходим к выводу, что CCI был создан как разговорник для общения с тюрко- и ираноязычным населением колоний и хинтерланда [3]. Зафиксированный в CCI язык — это язык местного населения, а не LF среднеазиатского и каспийского путей: грецизмы, славянизмы, романизмы, германизмы ТК и ИК, понятные в причерноморском ареале, были непригодны для контактов в Персии или Китае.

Проблема этнической принадлежности автора или составителя, информанта, а также лиц, редактировавших и дополнявших CC, представляет интерес не только для этнолингвистики, но и для правильного декодирования текстов. Как мы видели, текстологическая история CCI сложнее, чем CCII. Если процесс получения и обработки информации для CCI включает последовательное участие информанта → автора (составителя) → редактора (переписчика) → лица, дополнявшего или исправлявшего CCI, то для CCII цепочка состоит из двух элементов: информант → автор (фиксатор, составитель).

Согласившись с многослойностью текста CCI, т. е. с тем, что первоначальный текст, базировавшийся на неизвестных источниках, был составлен в 1324—1325 гг., а в дальнейшем дополнялся и должен был дополняться, достигнув оформления в 1330 г., нельзя отказаться от мысли об участии в этом процессе информантов. Даже если автором считать переводчика-полиглота, для которого один из восточных языков был родным (оптимальный вариант), то приписывание латинских и итальянских слов, поиски для них тюркских и иранских эквивалентов свидетельствуют о многих информантах, знания которых использовались для пополнения CCI. Как компилятора CCI, так и информантов в литературе характеризуют нелестными словами. Подобная характеристика рикошетом бьет по автору CCI. Дримба считает, что ТК заполнена со слов информанта «не-команца» или плохо знавшего «команский» [44, с. 184]. Он согласен сделать скидку на неграмотность переводчика. По Д. Монки-заде, ИК составлена из слов, продиктованных «команом», так как персидская лексика подчинена «команским» языковым законам [17, с. 13]. А. Бодроглигети считает, что для информанта ИК персидский не являлся родным, он знал его посредственно [45, с. 12]. Лигети, наоборот, усматривает здесь влияние иранского на тюркский: «тюркские варваризмы явились следствием рабского перевода

[3] Вопросу идентификации языков с точки зрения этнолингвистики будет посвящена отдельная статья.

персидских выражений» [2, с. 13]. Получается, что оба информанта, тюркский и иранский, «подвели» совершенно не знающего восточных языков автора, что привело к составлению малопригодного к практическому применению пособия. Трудно допустить, что человек, создавший последовательную, удовлетворительную с точки зрения практической лингвистики систему транскрипции, одну из первых такого рода в средневековой Европе (ср. высокую оценку, данную К. Залеманом [46, с. 950]), мог не знать восточных языков. Имеются основания считать CCI «книгой переводчика» — в колониях, несомненно, были талантливые переводчики, способные составить пригодный разговорник. Уровень транскрипционной системы, схема построения CCI, систематизация лексики по разделам свидетельствуют о том, что автором был человек, для которого переводческая деятельность являлась профессией. Он владел, по-видимому, обоими восточными языками в объеме, достаточном для повседневного общения. В CCI нашел отражение язык, которым пользовался автор и на котором говорили окружающие. То, что этот язык не был безукоризненным,— это другой вопрос. Но ведь и итальянская латынь CCI не укладывается в рамки идеальной латыни, даже в ее итальянском варианте. Из этого, однако, не следует, что автор был неграмотным в латыни или не знал итальянского языка.

Каким представляется нам автор? Возможно, имя его было Иоаннес (Джованни), и он внес имя своего патрона в инвокацию. Генуэзец (о чем свидетельствует лигурийский вариант латыни и лигурийский дукт письма) или выходец из вывезенных из Причерноморья рабов (современник, Иоанн из Гильдесгейма, писал, что итальянцы покупали детей, владевших местными языками, для того, чтобы в дальнейшем воспользоваться их языковыми знаниями [15, т. 2, с. 153]). Владел, вероятно, одним из восточных языков с детства (о вывозе рабов «команов» и алан в Италию, см. [47, с. 287—298; 48, с. 451—457; 49]). Он обладал лингвистическими способностями, понимал фонетическую структуру тюркского языка, что выразилось в разработке транскрипции. Высказывалось предположение, что он был знаком, хотя бы поверхностно, с арабскими трудами из области практической лингвистики: по структуре, в частности делением лексики по предметам, CCI больше похож на восточные пособия (на что обратил внимание Лигети [2, с. 15—16]), чем на западные. Определить роль предполагаемого редактора CCI не представляется возможным. Палеографическое изучение CCI указывает на существование лиц, дополнявших или исправлявших первоначальный текст в духе другой транскрипции (нередко это были немецкие монахи).

CC часто подвергается субъективному декодированию во имя «нормализованной», «стандартизированной» транскрипции обоих восточных языков без учета того, что в полиэтнических причерноморских городах разговорные языки изобиловали интерферентными явлениями.

Информантами CCII (их присутствие ощущается на каждом шагу) были живые носители тюркского языка. Кто был автором переводов религиозных текстов — монахи-иностранцы, досконально владевшие языком, или же туземцы (возможно, также монахи), сказать трудно. Некоторые поэтические гимны могли пройти фольклорную обработку (пропаганда католицизма велась среди тюркофонов на протяжении ста лет). Для декодирования записей важен этнос монахов. Частично это немцы, говорившие на средневерхненемецком диалекте; остальные монахи неизвестного происхождения (среди миссионеров встречались англичане, итальянцы, венгры, французы, каталонцы, испанцы, поляки и др.). Если палеографический и лингвистический анализ когда-нибудь поможет определить этнос остальных фиксаторов, это, возможно, уточнит наше представление о тюркских текстах CCII. Немцы, по-видимому, вносили записи последними [2, с. 53] и именно там, где среди миссионеров господствовал немецкий язык. Трудно представить себе, что монах не-немец изучал немецкий только для того, чтобы научиться говорить по-тюркски.

Многоаспектный анализ проблемы возникновения CC дает возможность сделать выводы, важные для дальнейшего лингвистического и этнолингвистического исследования памятника:

а) название CC дезориентирует исследователей, что отразилось в этнолингвистическом плане изучения;

б) кодикологическое, палеографическое и филигранологическое обследование памятника не завершено, и ранее сделанные выводы нельзя считать окончательными;

в) текстологический анализ свидетельствует о том, что CCI — это копия протографа или отредактированной копии, а CCII — материалы оригинального и копийного происхождения;

г) предложенное Зорзанелло — Дримбой прочтение «черной» даты CCI — 1330 г. — не подлежит сомнению; протограф был изготовлен, по-видимому, в 1324—1325 гг. CCII был составлен в пределах 30-х — начала 50-х годов XIV в. Нет оснований относить материал памятника к XIII в.;

д) CCI был создан в одном из городов Северного Причерноморья, находившихся под генуэзским владычеством, наиболее вероятно в Кафе. Сарай в качестве места создания или переписки CCI отпадает. Место создания CCII неизвестно, по-видимому, это был Крымский п-ов;

е) CCI был создан как пособие для переводчика в колониях, CCII — для фиксации «полевых записей» миссионеров, а также для записи религиозных текстов, распространяемых среди тюркофонов. CCI не был пособием, созданным специально для купцов или миссионеров, поскольку ИК и ТК отражают местные разговорные языки, а не купеческую LF;

ж) автор CCI был квалифицированным переводчиком, возможно, выходцем из крымской тюрко- или ираноязычной среды. Мнение о том, что в CCI имеется масса ошибок, вызванных плохой информацией, низкой квалификацией автора и небрежной перепиской, преувеличено. Оно объясняется невниманием к процессам интерференции и конвергенции в этнически смешанной многоязычной среде крымских городов XIV в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Drüll D.* Der Codex Cumanicus. Entstehung und Bedeutung. Stuttgart, 1980.
2. *Ligeti L.* Prolegomena to the Codex Cumanicus.— Acta Orientalia Hung., 1981, t. 35, fasc. 1.
3. *Kuun G.* Codex Cumanicus Bibliothecae ad Templum Divi Marci Venetiarum. Budapestini, 1880 (repr. 1981).
4. *Gabain A. von.* Die Sprache des Codex Cumanicus.— In: Philologiae Turcicae fundamenta. T. 1. Aquis Mattiacis, 1959.
5. *Drimba V.* Sur la datation de la première partie du Codex Cumanicus.— Oriens, 1981, v. 27—28.
6. *Györffy Gy.* Autour du Codex Cumanicus.— In: Analecta Orientalia memoriae A. Csoma de Kőrös dicata. Budapest, 1942.
7. *Grzegorzewski J.* Dzetatyzm perski «Kodeksu kumańskiego».— RO, 1914—1915, t. 1, cz. 1.
8. *Расовский Д. А.* К вопросу о происхождении Codex Cumanicus.— Сборник статей по археологии и византиноведению. Т. 3. Прага, 1929.
9. *Pritsak O.*— Journal of Turkish studies, 1980, v. 4.— Rec.: *Drüll D.* Der Codex Cumanicus. Stuttgart, 1980.
10. *Drimba V.* Miscellanea Cumanica I, II.— Revue roumaine de linguistique, 1970, t. 15, No 5.
11. *Gabain A. von.* Komanische Literatur.— In: Philologiae Turcicae fundamenta. T. 2. Aquis Mattiacis, 1964.
12. *Самойлович А. Н.* К истории и критике Codex Cumanicus.— Доклады Российской Академии наук. Серия В. Л., 1924, № 4—6.
13. *Баскаков Н. А.* Об унификации названий древних и средневековых письменных тюркских языков — Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.
14. *Bang W.* Über die Herkunft des Codex Cumanicus.— Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse, 1913, Bd. 9.
15. *Golubovich G.* Biblioteca bio-bibliographica della Terra Santa e dell' Oriente francescano. V. 2. Quaracchi, 1913; V. 3. 1919.
16. *Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Horde d'Or suivies de quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en «ar». Paris, 1949.
17. *Monchi Zadeh D.* Das Persische im Codex Cumanicus. Uppsala, 1969.
18. *Balard M.* Gênes et l'Outre-Mer. 1. Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289—1290. Paris — La Haye, 1973.
19. Ahmedis Arabsiadae Vitae et rerum gestarum Timuri, qui vulgo Tamerlanes dicitur, historia. Ed. Manger S. H. T. 1. Leovardiae, 1767.
20. *Schütz E.* Armeno-Kiptschakisch und der Krim.— In: Hungaro-Turcica. Studies in honour of J. Németh. Budapest, 1976.

21. *Haussig H.-W.* Geleitwort.— In: *Drüll D.* Der Codex Cumanicus. Stuttgart, 1980.
22. *Drimba V.* Quelques mots comans précisés par leur gloses allemandes.— In: Harvard Studies. Cambridge (Mass.) 1979—1980, v. 3—4, p. 1.
23. *Fisher A.* The Ottoman Crimea in the mid-seventeenth century: some problems and preliminary considerations.— In: Harvard Studies. Cambridge (Mass.), 1979—1980, v. 3—4, p. 1.
24. *Roesler R.* Über das Kumanische.— In: *Roesler R.* Romänische Studien. Untersuchungen zur älteren Geschichte Romäniens. Leipzig, 1871.
25. *Baratier É.* L'activité des Occidentaux en Orient au Moyen Âge.— In: Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans l'Océan Indien. Paris, 1970.
26. *Richard J.* Les navigations des Occidentaux sur l'Océan Indien et la Mer Caspienne.— In: Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans l'Océan Indien. Paris, 1970.
27. *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Bd. 1—3. Wiesbaden, 1963—1967.
28. *Bautier R.-H.* Les relations économiques des Occidentaux avec les pays d'Orient au Moyen Âge.— In: Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans l'Océan Indien. Paris, 1970.
29. *Balducci Pegolotti F.* La pratica della mercatura. Ed. by Evans A. Cambridge (Mass.), 1936.
30. *Altaner B.* Sprachkenntnisse und Dolmetscherwesen im missionarischen und diplomatischen Verkehr zwischen Abendland (Päpstliche Kurie) und Orient im 13. und 14. Jh.— Zeitschrift für Kirchengeschichte, 1936, Bd. 55.
31. *Roncaglia M.* I Fratti Minori e lo studio delle lingue orientali nei secolo XIII.— Studi Francescani, 1953, ser. 3, v. 25.
32. *Richard J.* La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Âge (XIIIe — XVe siècles). Rome, 1977.
33. *Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1223—1502. 2-te erw. Aufl. Wiesbaden, 1965.
34. *Mas Latrie L. de.* Privilèges commerciaux accordés à la République de Venise par les princes de Crimée et les empereurs mongols du Kiptchak.— In: Bibliothèque de l'École des Chartes. V. 29. Paris, 1868.
35. *Григорьев А. П.* Официальный язык Золотой Орды XIII—XIV вв.— Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.
36. *Дашкевич Я. Р.* Армяно-кыпчакский язык XV—XVII вв. в освещении современников.— ВЯ, 1981, № 5.
37. *Дашкевич Я. Р.* Армяно-кыпчакский язык: этапы истории.— ВЯ, 1983, № 1.
38. *Dachkévytch Ya. R.* Who are Armeno-Kipchaks? (On the ethnical substrat of the Armenian colonies in the Ukraine).— Revue des études arméniennes. N. S., 1982, t. 16.
39. *Brătianu G. I.* Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du treizième siècle (1281—1290). Bucarest, 1927.
40. *Рубрук Г. де.* Путешествие в восточные страны.— В кн.: *Плано Карпини Дж. дель.* История монгалов. Рубрук Г. де. Путешествие в восточные страны. М., 1957.
41. *Verlinden Ch.* Le commerce en Mer Noire des débuts de l'époque byzantine au lendemain de la conquête de l'Égypte par les Ottomans (1517).— В кн.: XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970: Доклады. Т. 1. Ч. 4. М., 1973.
42. *Balbi G., Raiteri S.* Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e Licostomo nel secolo XIV. Genova, 1973.
43. *Bratianu G. I.* Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929.
44. *Drimba V.* Syntaxe comane. Bucarest — Leiden, 1973.
45. *Bodrogligeti A.* The Persian vocabulary of the Codex Cumanicus. Budapest, 1971.
46. *Saleman C.* Zur Kritik des Codex Cumanicus.— Изв. имп. Академии наук, сер. 6, 1910, № 12.
47. *Verlinden Ch.* Esclavage et ethnographie sur les bords de la Mer Noire (XIIIe et XIVe siècles).— In: Miscellanea historica in honorem L. van der Eisen. V. 1. Brussel — Parijs, 1947.
48. *Verlinden Ch.* Esclaves alains en Italie et dans les colonies italiennes au XIVe siècle.— Revue belge de philologie et d'histoire, 1958, t. 36, № 2.
49. *Verlinden Ch.* L'esclavage dans l'Europe medievale. T. 2. Gent, 1977.